

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.4.2>

Абрамова Ирина Львовна, Берснева Ирина Валерьевна

ДЕСПОТ ИЛИ ОПЕКУН ПОДДАННЫХ: СОСЛОВНАЯ ПОЛИТИКА ПАВЛА I В РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматриваются особенности развития дореволюционной историографии правления Павла I с целью определения степени изученности сословной политики самодержавия на рубеже XVIII-XIX вв. В работе показана тесная связь изучаемой проблематики и оценок павловского времени с конкретно-исторической ситуацией в стране. Комплексная характеристика работ по эпохе Павла I позволяет выявить специфику различных этапов историографии, определить достижения предшественников и обозначить перспективы анализа таких ключевых вопросов, как взаимоотношение государства и сословий, власти и общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/4/2.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 17-21. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Отечественная история

National History

УДК 93/94

Дата поступления рукописи: 24.12.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.4.2>

В статье рассматриваются особенности развития дореволюционной историографии правления Павла I с целью определения степени изученности сословной политики самодержавия на рубеже XVIII-XIX вв. В работе показана тесная связь изучаемой проблематики и оценок павловского времени с конкретно-исторической ситуацией в стране. Комплексная характеристика работ по эпохе Павла I позволяет выявить специфику различных этапов историографии, определить достижения предшественников и обозначить перспективы анализа таких ключевых вопросов, как взаимоотношение государства и сословий, власти и общества.

Ключевые слова и фразы: Павел I; дореволюционная историография; самодержавие; абсолютизм; сословная политика; дворянство; крестьянский вопрос.

Абрамова Ирина Львовна, к.и.н., доцент

Берснева Ирина Валерьевна, к.и.н., доцент

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана

(национальный исследовательский университет)

abramova@bmtu.ru; ivabers@list.ru

ДЕСПОТ ИЛИ ОПЕКУН ПОДДАННЫХ: СОСЛОВНАЯ ПОЛИТИКА ПАВЛА I В РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

На протяжении российской истории векторы внутренней политики во многом определялись позицией правителя, который стремился найти оптимальное решение общественных противоречий для достижения стабильности государства. Сословные мероприятия кратковременного царствования Павла I отличались как от преобразований матери, Екатерины Великой, которые содействовали укреплению социальной опоры власти – дворянства, так и от либеральных мер сына Александра I в отношении крестьян, составлявших большинство населения страны. В связи с этим является **актуальным** обращение к опыту дореволюционной историографии в изучении социальной сферы переломного царствования Павла I. Научная **новизна** данной статьи заключается в рассмотрении специфики дореволюционной литературы, затрагивающей ключевые вопросы социальной сферы на рубеже XVIII-XIX вв., прежде всего политики властей в отношении основных сословий в условиях адаптации самодержавия к новым реалиям общественно-экономической жизни. Анализ историографии позволяет выявить степень объективности исследователей при изучении влияния различных факторов на политику Павла I и наметить перспективы дальнейших исследований. Основными **задачами** авторов являются анализ исторической литературы, связанной с социальной политикой самодержавия на рубеже XVIII-XIX вв.; выделение различных этапов изучения эпохи Павла I в зависимости от общественно-политической ситуации в стране; выявление особенностей дореволюционной историографии.

Неоднозначность павловского правления, иной характер отношений монарха и привилегированного сословия (дворянства), получившего права и волюнтаризм при его матери Екатерине Великой, а также обстоятельства гибели императора, к которым был причастен сын, Александр I, повлияли на то, что из-за цензуры вплоть до конца XIX в. не появилось ни одного научного исследования эпохи Павла I, посвященного формированию его взглядов на внутреннюю политику, пониманию потребностей России в новых условиях социально-экономического развития. Тем не менее при составлении общих курсов по истории Российской империи или при изучении отдельных проблем государственного управления, финансовой, сословной и военной истории обойти молчанием данный период было невозможно.

Уже в начале XIX в., в царствование Александра I, обозначились две точки зрения на павловское правление: с одной стороны, самодержец характеризовался как сумасброд, деспот на троне, управлявший страной без системы, лишь бы делать все наперекор матери; с другой, – представлялся как царь-реформатор, деятельность которого была направлена на ограничение прав и привилегий дворян в интересах государства и ослабление крепостной зависимости крестьян. Основоположителем первой версии стал официальный историограф Н. М. Карамзин [10, с. 44-46]. По его мнению, произвол правления Павла I подорвал престиж

власти и породил ненависть к злоупотреблениям самодержавия не меньшую, чем к негативным последствиям Великой Французской революции, в основе которой лежали идеалы гражданской вольности и равенства. По замечанию Н. М. Карамзина, сын «Екатерины мог быть строгим и заслужить благодарность отечества; к неизъяснимому изумлению россиян, он начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким Уставам, кроме своей прихоти; считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины, награждал без заслуг» [Там же, с. 45]. Историк сравнил Павла I с «грозным метеором», метафорически уподобив самодержца Ивану IV, которому не симпатизировал. Несмотря на монархические взгляды историка и его отрицательное отношение к заговорам и переворотам, подрывающим основы государственности, Н. М. Карамзин, по сути, одобрил насильственное устранение ненавистного тирана во благо государства [Там же, с. 46].

Параллельно с образом непредсказуемого деспота формировался портрет великодушного императора Павла Петровича, следовавшего законам в интересах всех подданных. Показательны в этом отношении сочинения канцлера А. А. Безбородко и находившегося на русской службе немецкого офицера Г. Танненберга, положительно характеризующие монарха. Данные работы, скорее, можно отнести к источникам, нежели к научной историографии, но они показательны тем, что в них практически отсутствует цензурный пресс. Таким образом, в начале XIX в. в соответствии с либеральными установками правления Александра I еще допускались позитивные оценки павловского времени [1; 31]. Затем на протяжении тридцати лет историки обходили молчанием деятельность Павла I.

В 1840-1850-е гг. описание царствования приобрело положительную окраску и стало характеризоваться в исторической литературе как годы заботы о подданных в соответствии с «теорией официальной народности» [5; 24]. Так, труд А. И. Вейдемейера стал своего рода панегириком правления «великодушного» Павла I, который был справедливым и «желал, чтобы ход государственных дел соответствовал Его пламенному характеру» [5, с. 216]. Если император принимал поспешное решение, то «неукоснительно старался загладить невольную ошибку». По оценке А. И. Вейдемейера, Павел I «действовал всегда с неизменным правдушеством... слово его было – истинно слово Царское, священное» [Там же]. В целом же работы периода правления Николая I не оказали заметного влияния на научную трактовку социальных преобразований рубежа XVIII-XIX вв.

Переломным этапом в историографии внутренней политики Павла I стало время Великих реформ царя-освободителя Александра II. Определенная демократизация общественной жизни страны в 1860-1870-е гг., ослабление цензуры и расширение круга источников (публикация мемуаров, переписки выдающихся деятелей; документов, принадлежавших перу цесаревича Павла Петровича) позволили приступить более широкому рассмотрению социальной политики монарха. Так, И. П. Знаменский и М. Я. Морошкин, изучая положение духовенства в Российской империи, уделяют особое внимание павловскому времени [8; 21]. Исследователи отмечают иное, нежели у Екатерины II, отношение к материальному благополучию лиц духовного звания и их престижу в обществе. Правда, объясняют подобную позицию религиозностью императора, а не его социально-политическими воззрениями. Отсутствие критического подхода авторов к источникам мемуарного характера не позволило им отойти от субъективной оценки последних лет XVIII века. Точно так же М. Ф. Де-Пуле, положивший в основу статьи о крестьянских выступлениях 1796-1798 гг. в Центральной России Журнал Н. В. Репнина, акцентировал внимание на роли генерал-фельдмаршала, отвечавшего за подавление бунтов, а не на исследовании причин, характера, размаха и результатов восстаний и их влияния на политику абсолютизма в конце XVIII столетия [7].

Выход мемуаров, авторы которых относились к императору отрицательно, стимулировал официальную историографию перейти к более взвешенному изучению эпохи. От образа идеального государя с отеческой заботой о подданных исследователи постепенно перешли к критике правителя-деспота, ущемлявшего права дворянства. Именно с такой позиции оценивалась внутренняя политика самодержавия в конце XVIII в. в труде А. В. Романовича-Славянского. Историк впервые провел параллели между политикой Павла I и Николая I, отметив дальнейшее облегчение участи крестьян в правление младшего сына [26]. Другой исследователь, М. Т. Яблочков, детально проанализировал преобразования Екатерины Великой, направленные на превращение служилого сословия в привилегированное, а также меры Павла I в отношении дворянства и крепостных крестьян [37]. М. Т. Яблочков указал, что, несмотря на сохранение крепостного права, в правление Павла I обозначилась тенденция к облегчению участи крестьян. Подобная практика была продолжена последующими правителями вплоть до ликвидации крепостной зависимости в 1861 году [Там же, с. 580]. В результате анализа историк пришел к выводу о двойственности социальной политики императора, которая, по мнению М. Т. Яблочкова, обуславливалась исключительно свойствами личности императора. Павел I, действуя вразрез реформам матери, Екатерины II, улучшил положение крестьян и ограничил привилегии дворянства, не лишив его при этом особого положения.

Мысль о решающем влиянии на сословную сферу фигуры монарха, а не конкретно-исторической ситуации конца XVIII столетия, получила дальнейшее развитие в официальной историографии 1880-1890-х годов. Исследователи И. С. Блюх, В. В. Водовозов, А. Н. Пыпин подчеркивали антидворянскую и прокрестьянскую направленность преобразований, проводимых в противовес политике Екатерины II [3; 6; 25]. Ученые делали акцент на неравноправном положении основных составляющих системы самодержавия: общества, под которым подразумевалось дворянство, являвшееся опорой самодержавия, и народа, то есть зависимых от помещиков крестьян. И. С. Блюх определил царствование Павла I «эпохой ужаса» для привилегированного сословия, обусловленной намерением искоренить злоупотребления и бесчинства «века вельмож» [3, с. 53]. Непродуманные поступки императора И. С. Блюх и В. В. Водовозов объясняли изъятиями воспитания и отсутствием опыта государственных дел [3, с. 53; 6, с. 535-538]. Поэтому Павел I отдавал множество

противоречивых распоряжений и стремился распространить на общество жёсткую дисциплину, вводимую в войсках [6, с. 535-538]. А. Н. Пыпин отметил «несколько фантастическое представление» Павла I о власти [25, с. 56]. По словам историка, милость царя «всегда была на волоске; она каждую минуту могла превратиться в необузданный гнев, – удаление из службы, арест, ссылка...». «Общество», иными словами дворянство, раздражало «отсутствие принципа и последовательности» [Там же, с. 56-57]. В духе предшествующей историографии ученый писал о дуализме поступков монарха, который по своим стремлениям к справедливости и рыцарским представлениям о чести внушал уважение, но вместе с тем проявлял «минутную раздражительность» и «беспредельный произвол» [Там же, с. 54], что перечеркивало благие намерения. В. В. Водозов обратил внимание на парадоксальную связь противоречивых по своей направленности социальных мер Екатерины II и Павла I. Императрица, стремившаяся к гуманизации дворянского сознания, на практике ужесточила крепостное право. Деспот Павел I, противодействовавший проникновению в Россию европейских веяний, сделал «первый шаг к уничтожению привилегий», положив начало процессу освобождения крестьян от крепостной зависимости. «Государь, посвятивший всего себя на борьбу с либеральными учениями, в известном отношении больше делает в духе этих учений, чем Екатерина II, горячая их поклонница» [6, с. 552]. «Такова обыкновенная ирония истории», – резюмирует историк [Там же]. Последней из работ, в которой еще звучали ноты сочувствия монарху, стала книга Д. Ф. Кобеко [14].

Помимо официальной историографии со второй половины XIX века в исторической литературе получили распространение либеральные взгляды. Подготовка и проведение Великих реформ Александра II повлияли на изучение вопросов, связанных с историей крепостного права, положением различных категорий русского крестьянства и аграрной политикой самодержавия. В пореформенный период общественно-политическая мысль России активно искала ответы на извечные русские вопросы: что делать и кто виноват? В серии работ по истории русского крестьянства время Павла I было определено как поворот во внутренней политике к заботе о нуждах сословия [2; 9; 13; 27; 29; 38]. Впервые законодательно стали регулироваться отношения между помещиками и крестьянами. Самодержец, стремясь к общему благу подданных, проводил продуманную сословную политику, направленную на ограничение привилегий дворянства и улучшение положения крестьян. Однако при этом крепостная зависимость распространилась на прежде свободных крестьян [13; 29]. Историк В. И. Семевский отметил, что Павел I считал раздачу населенных земель, с одной стороны, попечительской мерой, с другой, – своеобразным противовесом бунтарским настроениям – пугачевщине [29].

В работах начала XX в. Павел I был признан безумным [23; 34; 35], а его внутренняя политика – антидворянской [17]. По мнению историка А. Г. Брикнера, прежде всего конфликт монарха с дворянством привел к трагической развязке [4]. При этом некоторые исследователи оправдывали заговор 11 марта 1801 года опасностью пребывания на троне не совсем психически вменяемого императора [4; 15; 34]. Почему же в официальной историографии столь негативно оценивалось правление Павла I? Объяснение кроется в ситуации в стране. Первая русская революция 1905-1907 гг. пробудила интерес историков к вопросам взаимоотношения власти и общества, дворянства и императора, правомерности существования абсолютизма, неприкосновенности личности монарха. Снятие запретов на изучение архивных материалов и текущая обстановка в России привели к тому, что события вековой давности приобрели актуальную политическую окраску.

Итак, в официальной историографии оценка роли Павла I в социальной сфере претерпела определенные изменения: положительный облик императора с середины XIX в. стал уступать место образу непредсказуемого деспота, при котором, по выражению Е. С. Шумигорского, наступило «царство страха» [36, с. 128]. Историк К. В. Сивков отметил: «Стремясь к справедливости и равенству, желая быть, как он говорил “для всех одинаково добрым”, император Павел действовал произвольно и с полным пренебрежением к личности человека. Ни возраст, ни заслуги не спасали человека от проявления самых жестких вспышек гнева императора, часто ронявшего при этом свое достоинство» [30, с. 83].

Вместе с тем Павел I характеризовался в исторической литературе как несчастный человек, долгое время не имевший управленческого опыта. Этим объясняется его недоверчивое отношение к окружающим и склонность к самоуправству. Как следствие, царь не сумел отреагировать на конкретно-историческую ситуацию и потребности дворянства. Однако, по мнению ученых, в политике самодержца усматривалась определенная закономерность – улучшение положения крестьян в соответствии с позицией императора, высказанной им в «Наказе» 1788 года: блаженство – каждого и всех [22; 36].

В начале XX века, в переломный для самодержавия период царствования Николая II, позиции либеральной и официальной историографии в оценках деятельности Павла I сблизились. В условиях идейных споров, обострившихся в обществе, либеральные историки А. С. Лаппо-Данилевский и В. И. Семевский, обсуждая насущную крестьянскую проблему, не могли обойти вниманием вопросы правомерности существования неограниченной монархии и самодержавного произвола [18; 28]. Помимо этого, ученый Е. П. Трифилев обратился к изучению крестьянских волнений 1796-1798 гг. [32], чему в немалой степени способствовали события первой русской революции и облегчение доступа к архивным материалам.

В целом же в официальной историографии социальные меры Павла I подверглись критике за нарушение хода русской истории. При этом преувеличивалась роль монарха. Так, Н. К. Шильдер обратил внимание на изменение самого духа монархии, когда в противовес екатерининскому роскошеству двора Павел I ввел жесткую дисциплину кордегардии [35, с. 293]. Ссылаясь на замечание современников, в частности князя П. А. Вяземского, историк пришел к выводу, что, с одной стороны, «Новое царствование с первых же дней сделалось отрицанием предыдущего» [Там же], с другой, – Павел I проявил «стремление к уравниванию сословий», когда крестьяне смогли самостоятельно присягать государю, что стало «прометчивой мерой», нарушившей взаимоотношения помещиков и крестьян, вызвавшей беспорядки [Там же, с. 327]. 29 января 1797 г.

был обнародован манифест «О должном послушании крестьян своим помещикам во всех повинностях, и об обязанности сего Губернских Начальств и приходских Священников». Н. К. Шильдер отметил, что проблема «исцеления» России заключалась не в природе абсолютизма, а в особенностях персоны правителя, его «дурных импрессиях» [Там же, с. 295, 326]. Иными словами, акцент был сделан на субъективном факторе, когда «новую эпоху в русской истории называли... где как требовалось: торжественно и громогласно – возрождением; в приятельской беседе осторожно вполголоса – царством власти, силы и страха...» [Там же, с. 301]. Таким образом, ставшим хребтом внутренней политики России, по мнению историка, стало неограниченное самодержавие [Там же]. Общество, в свою очередь, по словам А. А. Корнилова, ненавидело молча, но, конечно, именно это настроение «дало немногочисленным деятелям переворота 11 марта 1801 г. смелость устранить Павла» [16, с. 45]. В конечном итоге влияние неуровновешенного характера императора, по мнению исследователей А. А. Корнилова и А. Лютша, негативно сказалось на положении дворянства и решении крестьянского вопроса [16; 20].

В то же время М. К. Любавский объяснял сословную политику конца XVIII в. не только свойствами личности самодержца, но и его стремлением противодействовать начинаниям Екатерины II: «Павел ненавидел порядки, установившиеся в царствование матери, и беспощадно ломал их. Сознывая отсутствие твердой опоры в окружающих, Павел крайне нервно относился ко всякому, хотя бы и косвенному порицанию его действий, и везде подозревал измену» [19, с. 95]. Историк Д. И. Успенский отметил пагубность представлений Павла I о залоге благополучия крестьян их крепостной зависимостью: в помещиках «сами крестьяне имеют надежных о себе попечителей, а государство – “лучших полицмейстеров”» [33, с. 107].

Вместе с тем ученый М. В. Ключков впервые проследил связь социальных мер с потребностями в централизации и бюрократизации управления, нуждами сословий и их обязательной службой на благо государства [11; 12]. В связи с этим ограничение дворянского самоуправления, по выводам исследователя, было обусловлено потребностью в укреплении государства, а не интенциями монарха. Ущемление интересов дворянства компенсировалось более гибкой политикой в отношении крестьянства с целью расширения социальной опоры самодержавия [12, с. 47]. Таким образом, наряду с признанием сумасбродства в сословной политике Павла I в историографии начала XX века прозвучал вывод о закономерности и продуманности преобразований императора.

Итак, на основе анализа дореволюционной историографии, связанной с социальными мерами Павла I, можно выделить несколько этапов. На первом из них (конец XVIII – начало XIX в.) обозначилась своеобразная двойственность характеристики политики самодержца, когда одни историки считали его деспотом на троне, ограничившим права благородного сословия, другие – защитником всех подданных, включая крепостных. При этом на протяжении тридцати лет начала XIX в. в силу цензуры действовало табу на освещение деятельности Павла I. На втором этапе (1840-1850-е гг.) в условиях охранительной идеологии и не критичного отношения к источникам превалировала историография, акцентировавшая внимание на попечительных мерах монарха во благо подданных. Таким образом, как на первом, так и на втором этапах историографии определяющим фактором внутренней политики абсолютизма, по мнению историков, являлся субъективный.

В начале третьего этапа изучения преобразований Павла I (середина XIX – начало XX в.), в пореформенное время, исследователи обсуждали прежде всего законодательное регулирование отношений между помещиками и крестьянами, акцентируя внимание на роли объективных факторов, повлиявших на социальную сферу. В 1880-1890-е гг. в исторической литературе периода контрреформ Александра III стали преобладать оценки, связанные с субъективным фактором: влиянием неуровновешенного характера самодержца на внутреннюю политику. В дальнейшем, в начале XX в., ученые придерживались аналогичной позиции. В это время сблизились позиции официальной и либеральной историографии в оценках абсолютизма. Тем не менее историк М. В. Ключков пришел к выводу об объективном характере мер Павла I, направленных на расширение социальной опоры самодержавия.

Как видим, изучение сословной политики и влияния на нее личности Павла I в дореволюционной историографии в значительной степени определялось конкретно-исторической ситуацией в стране, идейными взглядами исследователей и обеспечением доступа к источникам. В условиях самодержавия исследователи объясняли меры, направленные на ограничение дворянских вольностей и регулирование положения крепостных, как правило, личными мотивами монарха, то есть субъективным фактором, а не объективными потребностями социально-экономического развития на рубеже XVIII-XIX вв. Тенденция к объективному осмыслению социальной политики властей проявилась лишь в начале XX века.

Следует отметить, что рассмотрение сословной политики Павла I по преимуществу сквозь призму персоны монарха в дореволюционной историографии сужало возможность анализа таких проблемных вопросов, как взаимоотношение государства и сословий, власти и общества. Поэтому в дальнейшем потребовалось более тщательное изучение мер, связанных с обеспечением обязательной службы сословий в пользу государства и постепенной их эмансипацией с целью укрепления социальной опоры самодержавия. В последующей историографии изменились исследовательские подходы к осмыслению сословной политики эпохи рубежа XVIII-XIX столетий.

Список источников

1. **Безбородко А. А.** Жизнь, свойства, военные и политические деяния российского Императора Павла I; Генерал-фельдмаршала, Князя Потемкина-Таврического; Канцлера Князя Безбородки. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1805. 38 с.
2. **Беляев И. Д.** Крестьяне на Руси. М.: Книга по Требованию, 2012. 322 с.
3. **Блюх И. С.** Финансы России XIX столетия: в 4-х т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. Т. IV. 347 с.
4. **Брикнер А. Г.** Смерть Павла I. СПб.: Изд-во М. В. Пирожкова, 1907. 161 с.

5. Вейдемейер А. И. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия: в 2-х ч. / изд-е И. Эйнерлинга. СПб.: Библиотека классических книг на разных языках, 1846. Ч. 2. 222 с.
6. Водовозов В. В. Очерки истории XVIII в. СПб.: Тип. Ф. С. Сушинского, 1882. 556 с.
7. Де-Пуле М. Ф. Крестьянские волнения 1796-1798 гг. // Русский архив. 1869. Вып. 3. Стб. 525-577.
8. Знаменский И. П. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. СПб.: Тип. М. Н. Лаврова и К., 1880. 186 с.
9. История уделов за столетие их существования. 1797-1897: в 3-х т. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1902. Т. 2. 201 с.
10. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях / прим. Ю. С. Пивоварова. М.: Наука, 1991. 127 с.
11. Ключков М. В. Дворянское самоуправление в царствование Павла I // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Сенат. тип., 1912. С. 329-375.
12. Ключков М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг.: Сенат. тип., 1916. 631 с.
13. Ключевский В. О. Краткое пособие по русской истории. М.: Айрис-пресс, 2007. 240 с.
14. Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754-1796). СПб.: Тип. В. Грацианского, 1882. 384 с.
15. Ковалевский П. И. Психиатрические эскизы из истории: в 2-х т. М.: Терра, 1995. Т. 1. 543 с.
16. Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. М.: Высш. шк., 1993. 446 с.
17. Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1855. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1906. 720 с.
18. Лаппо-Данилевский А. С. Очерк и история образования главнейших разрядов крестьянского населения в России // Крестьянский строй: сборник статей А. С. Лаппо-Данилевского, В. И. Семевского и И. М. Страховского. СПб.: Беседа, 1905. Т. I. С. 1-156.
19. Любавский М. К. Царствование Павла I // Три века. Россия от Смуты до нашего времени: в 6-ти т.: репринт. изд-е. М.: Изд-во ГИС, 1994. Т. 5. С. 85-103.
20. Лютш А., Зоммер В., Липовский А. Итоги XVIII века в России. Введение в русскую историю XIX века. М.: Тип. И. Д. Сытина и К., 1910. 501 с.
21. Морошкин М. Я. Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени: в 2-х ч. СПб.: В Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. Ч. 1. 501 с.
22. Назаревский В. В. Русская история: в 7-ми т. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1910. Т. 4. 201 с.
23. Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. Изд-е 2-е. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. 810 с.
24. Полевой Н. А. Столетие России с 1745 до 1845 года, или Историческая картина достопамятных событий в России за сто лет: в 2-х ч. СПб.: Изд. П. И. Мартынова, 1846. Ч. 2. 278 с.
25. Пыпин А. Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I: в 3-х т. Изд-е 5-е. Пг.: Изд-во «Огни», 1918. Т. 3 / с предисл. Н. А. Котляревского. 544 с.
26. Романович-Славатинский А. В. Дворянство от начала XVIII в. до отмены крепостного права. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1870. 594 с.
27. Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.: в 2-х т. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1888. Т. 1. 517 с.
28. Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // Крестьянский строй: сб. ст. А. С. Лаппо-Данилевского, В. И. Семевского и И. М. Страховского. СПб.: Беседа, 1905. Т. I. С. 157-295.
29. Семевский В. И. Пожалование населенных имений в царствование императора Павла I // Русская мысль. 1882. № 12. С. 153-192.
30. Сивков К. В. Император Павел I (опыт характеристики) // Три века. Россия от Смуты до нашего времени: в 6-ти т.: репринт. изд-е. М.: Изд-во ГИС, 1994. Т. 5. С. 78-84.
31. Танненберг Г. Жизнь Павла Первого, Императора и Самодержца Всероссийского. Писанная на Немецком языке Российской службы Офицером / перев. В. С. Кряжева. М.: Тип. Кряжева и Мея, 1805. 320 с.
32. Трифилев Е. П. Очерки по истории крепостного права в России. Царствование императора Павла I. Х.: Тип. Печатное дело кн. К. Н. Гагарина, 1904. 360 с.
33. Успенский Д. И. Россия в царствование Павла I // Три века. Россия от Смуты до нашего времени: в 6-ти т.: репринт. изд-е. М.: Изд-во ГИС, 1994. Т. 5. С. 103-113.
34. Чиж В. О. Император Павел I. Психологический анализ // Вопросы философии и психологии. М.: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К., 1907. Кн. III (88). С. 221-290.
35. Шильдер Н. К. Император Павел I: историко-биографический очерк. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1901. 606 с.
36. Шумигорский Е. С. Император Павел Первый: жизнь и царствование. СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1907. 264 с.
37. Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. М.: Тип. А. М. Котомина, 1876. 680 с.
38. Якушкин В. Е. Очерки по истории русской поземельной политики XVIII-XIX вв. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К., 1890. Вып. I. 150 с.

**SUBJECTS' DESPOT OR GUARDIAN:
CLASS POLICY OF PAUL I IN THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY**

Abramova Irina L'vovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Bersneva Irina Valer'evna, Ph. D. in History, Associate Professor
Bauman Moscow State Technical University
abramova@bmstu.ru; ivabers@list.ru

The article discusses the features of the development of the pre-revolutionary historiography of the reign of Paul I in order to determine the degree of study of the autocracy's class policy at the turn of the XVIII-XIX centuries. The paper shows the close connection of the studied problems and assessments of the reign of Paul I with the specific historical situation in the country. The complex characteristics of the works on the epoch of Paul I allows revealing the specificity of different stages of historiography, determining the achievements of predecessors and outlining the prospects of the analysis of such key issues as the relationship of the state and classes, power and society.

Key words and phrases: Paul I; pre-revolutionary historiography; autocracy; absolutism; class policy; nobility; peasant issue.